PG 3337
.P733 S55

1856

THE LIBRARY OF CONGRESS

С218
71

СИЛУЭТЫ,

СЦЕНЫ ВЪ СТИХАХЪ

В. П. ПОПОВА.

ПРЕДСТАВЛЕНЫ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

НА ИМПЕРАТОРСКОМЪ ТЕАТРѢ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ,

Октября 17-го 1855 г.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1856.

РБ3337
Р733555
1856

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

КРИНЕЦКАЯ — молодая вдова.

КАЛИТИНЪ.

КЛИНОВСКІЙ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 30-го Декабря 1855 года.

Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

Въ типографіи Юліуса Штауфа.

37-146912

СИЛУЭТЫ,

СЦЕНЫ ВЪ СТИХАХЪ

В. П. ПОПОВА.

—

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

I.

Калитинъ (*одинъ*).

Сегодня стукнуло мнѣ ровно тридцать лѣтъ.
Немного лѣтъ! — а много испытаній
Я перенесъ: узналъ мишурный свѣтъ,
И цѣну всю похвалъ и порицаній.
Да, обманулся я во всемъ:
Меня вездѣ за правду гнали,
Любовь не поняли, а дружбу презирали;
И слава золотымъ лучемъ
Мой трудный путь не озарила!
Судьба мои разрушила мечты,

Но въ бѣдномъ сердцѣ не убила
Ни чувствъ, ни прежней теплоты...
Я твердо вѣрю, что любовь
На этомъ свѣтѣ существуетъ,
Но гдѣ она? вотъ что волнуетъ
Мнѣ часто пламенную кровь!
Кого я видѣлъ предъ собою?
Французскихъ куколъ длинный рядъ;
Онѣ—не съ русскою душою
И не по-русски говорятъ...
Нѣтъ ни одной, въ комъ страсти сила
Презрѣла-бъ смѣло рабскій страхъ,
Въ душѣ энергію родила
И слезы счастія въ очахъ.
Кто-жъ виноватъ? Ихъ воспитали
Такъ осторожно, что въ груди
У нихъ цвѣты любви завяли,
И нѣтъ надежды впереди!..
Увы, невольно головою
Поникнешь съ грустью и вздохнешь,
Когда увидишь и поймешь,
Какой печальной пустотою,
Какимъ безсильемъ мы полны;
Какимъ страдаемъ мы безвѣрьемъ;
Какимъ глубокимъ лицемѣрьемъ
У насъ сердца поражены!
И рядъ безцвѣтныхъ поколѣній
Смѣнитъ насъ долженъ .. Боже мой!
Проснись, Россіи дивный Геній,
Проснись, и мощною рукой
Направь ты наше воспитанье,
Дай чистой правды свѣтъ познать
И, сбросивъ иго подражанья,
Заставь себѣ насъ подражать.

(*Слышенъ шумъ шаговъ*).

Кто тамъ?

(*Входитъ Клиновскій*).

Клиновскій.

Bonjour, mon cher!

Калитинъ.

Здорово!
Какой судьбою?..

Клиновскій.

Я сейчасъ,
Все разскажу: дай только слово,
Что все останется межъ насъ.

Калитинъ.

Изволь.

Клиновскій.

Къ тебѣ я за совѣтомъ
Теперь явился; вѣрно ты,
Мой милый, не откажешь въ этомъ,
И средства дашь мои мечты
Осуществить...

Калитинъ.

Теперь я смѣло
Готовъ пари съ тобой держать,
Что тутъ любовь вмѣшалась въ дѣло;
Не правда-ли?

Клиновскій.

Я разсказать
Готовъ, но чуръ не насмѣхаться!

Калитинъ.

Серьознѣй сфинкса буду я.

Клиновскій.

Не стану болѣе скрываться:
Любви полна душа моя,
Но я взаимности не знаю,
А между тѣмъ, не ѣмъ, не пью!
Ахъ, помоги мнѣ, умоляю,
И свадьбу мнѣ устрой!

Калитинъ.

Я свадебъ не люблю!
Но для тебя готовъ я сдѣлать исключенье—
А кто-жъ она?

Клиновскій.

Ее ты долженъ знать:
Madame Кринецкая!..

Калитинъ.

Мое почтенье!
Нашелъ-же ты кого избрать!
Сверхъ красоты и добрыхъ качествъ,
Которымъ отдаю я честь,
Въ ней столько свѣтскихъ есть дурачествъ,
Что право трудно перечесть.
Не спорю, что она блистаетъ
Образованьемъ и умомъ;
Зато и куритъ, и стрѣляетъ,
И ѣздитъ цѣлый день верхомъ.

Клиновскій.

Что-жъ? Я бѣды не вижу въ томъ.

Калитинъ.

А тамъ имѣнье промотаетъ,
Тебя оставитъ ни при чемъ,
И я тебя предупреждаю —
Ты пропадешь съ женой такой.

Клиновскій.

Я не могу владѣть собой;
Давно ее я обожаю:
Она чувствительна —

Калитинъ.

Не знаю,
Какъ ты чувствительность нашелъ
У современной дамы модной,
Гдѣ все размѣрилъ умъ холодный,
Всѣ чувства, всѣ слова—разсчелъ;
Гдѣ только искренно злословятъ —
Ты ищешь искренней любви!
Повѣрь, тебя лишь за носъ водятъ!
Оставь-же глупости свои!
Видалъ я слезы дамы свѣтской:
Какъ ихъ она въ театрѣ льетъ,

Когда французскій, иль нѣмецкій
Актеръ на сценѣ зареветъ.
Куда, актеру не сыграть,
Какъ наши сѣверныя розы!
У нихъ притворство выжметъ слезы,
Кокетство высушитъ опять...
Но если руку Христа-ради
Протянетъ въ рубищѣ бѣднякъ,
Попроситъ денегъ—какъ не такъ!
Онѣ ужь здѣсь не въ маскарадѣ,
Не на виду, и ихъ душа
Сейчасъ съ изнанки обернется —
И бѣдный нищій безъ гроша
Отъ пышной дамы поплетется!..

Клиновскій.

О нѣтъ, нашъ свѣтъ не понялъ ты,
Его напрасно осуждаешь:
Вглядися, сколько доброты
Въ немъ въ наше время повстрѣчаешь!

Калитинъ.

Благотворительный нашъ вѣкъ
Постигъ искусство забавляться,
И современный человѣкъ
Добромъ умѣетъ наслаждаться!
Не можетъ просто помогать —
Нѣтъ, современныя идеи
Для бѣдныхъ балъ велятъ задать,
Или затѣять лотереи...
А дамамъ честь!.. Онѣ всегда
Готовы первыми явиться,
Гдѣ только встрѣтится нужда
Или возможность нарядиться!
Какъ можно случай пропустить
Блеснуть съ кокетствомъ передъ нами
Своими добрыми дѣлами,
И ими пыль въ глаза пустить!

Клиновскій.

Быть-можетъ такъ, но исключенье
Межъ ними чистое она;
Какою къ ближнему полна
Она любовью... Приключенье
Одно я съ нею разскажу,
И ты увѣришься... Разъ какъ-то захожу
Къ Валицкому; его нѣтъ дома; отправляюсь
Пѣшкомъ къ Изюмину, и вдругъ встрѣчаюсь
Съ Кринецкою!.. Она тихонько шла
Въ салопѣ старенькомъ и въ землю все смотрѣла...
Но я узналъ ее... Слѣжу... Она вошла
Въ лачужку гадкую... Тутъ ревность закипѣла
Въ груди моей... я слово далъ
Загадку разрѣшить—и скрылся
За уголъ улицы, и поджидалъ,
Что будетъ далѣе. Но какъ я удивился
При выходѣ ея!.. За ней, въ слезахъ, во слѣдъ
Шла цѣлая семья... она-же цѣловала
Ребенка милаго, и послѣ я узналъ,
Ты ни за что-бъ не угадалъ,
Что годъ уже она имъ тайно помогала.

Калитинъ.

Экзальтированность, и больше ничего!
Madame d'Harville въ переложеньи
На нравы русскіе... Вотъ заключенье
Всего разсказа твоего.
Какъ львицамъ вѣришь ты, когда у нихъ и чувства,
И набожность—одно искусство;
Когда предъ олтаремъ, въ слезахъ,
Онѣ себя и насъ усердно надуваютъ,
Когда свиданья назначаютъ
Съ спокойной совѣстью въ церквахъ!
Туда женихъ, туда невѣста
Идутъ другъ друга увидать,
И для того они сыскать
Приличнѣе не могутъ мѣста!...

Клиновскій.

Итакъ ты хочешь отвергать
Все въ женщинѣ... все доброе, святое...
Созданье это неземное...

Калитинъ.

Я ихъ умѣю различать.
Кринецкая—эксцентрикъ, львица,
Кокетничать большая мастерица;
Она, какъ водится, потѣшится тобой,
Покамѣсть кто-нибудь другой
Тебя не замѣнилъ...

Клиновскій.

Но что-жъ я дѣлать буду,
И какъ, скажи, ее забуду,
Когда ея небесный взглядъ
И днемъ и ночью все со мною?
Я не найду нигдѣ покою —
Она мой рай, она мой адъ!..
Она...

Калитинъ.

Вдова, которая богата,
Мила, умна, и больше ничего.
Не перваго такого хвата
Для развлеченья своего
Она проводитъ. Ты увлекся
Ничтожной свѣтской мишурой!
Мнѣ жаль, зачѣмъ не остерегся
Ты отъ соблазна, милый мой!
Теперь влюбленъ ты, но женою
Когда твоею будетъ—ты
Забудешь страстныя мечты,
И станешь жить не сердцемъ, головою!
И этотъ бракъ не-разъ ты проклянешь,
Когда увидишь предъ собою
Дѣйствительность; когда поймешь,
Что ты обманутъ былъ мечтою!..
Себя ты хочешь погубить

Въ порывѣ мимолетной страсти:
Ну, согласись, въ твоей-ли власти
Кринецкую преобразить?
Она вертѣть тобою станетъ,
Ты будешь мужъ подъ башмакомъ,
Не-разъ слеза печали канетъ,
Когда ты вспомнишь о быломъ.

Клиновскій.

Оставь свои нравоученья!
Тебѣ легко такъ разсуждать,
Ты не влюбленъ; дай лучше наставленье,
Что дѣлать мнѣ, съ чего начать?

Калитинъ.

Немного будь похолоднѣе,
Оригинальностью блистай,
Въ своихъ словахъ будь посмѣлѣе,
И роль Дафниса не играй!

Клиновскій.

Благодарю! я постараюсь
Исполнить это, но боюсь,
Что передъ нею растеряюсь...
Поѣдемъ вмѣстѣ къ ней...

Калитинъ.

Но если я влюблюсь?

Клиновскій.

Не можетъ этого случиться,
Я не боюся за тебя;
Съ твоими-ль мнѣньями влюбиться?...
Пугаешь только ты меня.

Калитинъ.

Какъ знать! и я вѣдь съ сердцемъ тоже;
А, знаешь, сердце у людей
Съ пучиной страшной очень схоже
Неизмѣримостью своей.
Кринецкую я мало знаю;
Могу поболѣе узнать,
И въ мнѣніяхъ не устоять...

И такъ, тебя предупреждаю,
Прошу-же послѣ не пенять.

Клиновскій.

Твои напрасны предсказанья;
Я ничего не побоюсь.
И такъ прощай-же, до свиданья!
Я за тобой въ четвергъ явлюсь. (*уходитъ*).

Калитинъ (*одинъ*).

Смѣшонъ Клиновскій мнѣ! Чудакъ, въ кого влюбился!
Въ кокетку страшную!.. А что виной тому?
Все воспитаніе! Его отецъ женился
На рѣдкой женщинѣ, какъ по уму,
Такъ по душѣ; она какимъ-то исключеньемъ,
Какимъ радостнымъ явленьемъ
Средь круга своего была,
И сыну мнѣнія свои передала...
Но по несчастью не умѣла
Предостеречь его отъ пагубныхъ сѣтей;
На женщину она восторженно смотрѣла,
И сынъ пошелъ во слѣдъ за ней...
Какъ жалокъ свѣтъ! вездѣ мученья,
Вездѣ и всѣмъ грозитъ бѣда!..
Когда-жъ средь тучъ, звѣзда спасенья,
Ты мнѣ блеснешь? Когда? Когда?...

II.

Квартира свѣтской дамы; КРИНЕЦКАЯ за роялемъ.

Кринецкая (*одна*).

Ахъ, Боже мой, какая скука!
За что я ни возьмусь, все валится изъ рукъ!
Меня томитъ какой-то злой недугъ!
Ахъ скоро-ль кончится такая мука!
Ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ
Не нахожу я развлеченья:
Начну играть—нѣтъ выраженья,
Читать—мечтаю о другомъ;
Осталося одно—влюбиться.
Но никого не вижу я

Съ кѣмъ я душой могла-бъ сродниться,
Кто-бъ понялъ, оцѣнилъ меня...
Увы, какъ много-много бѣдъ
Въ моей я жизни испытала!
Едва вступить успѣла въ свѣтъ—
Мечта любви моей пропала.
А я безумно создала
Себѣ прекрасное видѣнье,
И улыбалась, и ждала
Надеждъ своихъ осуществленья...
Но рокъ всего меня лишилъ,
И разогналъ мои мечтанья!
Мой мужъ старикъ угрюмый былъ...
Меня отецъ мой осудилъ
На безъисходное страданье!...
Но нѣтъ, онъ былъ невиноватъ:
Цѣнилъ по своему онъ счастье;
Мой мужъ былъ знатенъ и богатъ,
Хотя не чувствами, къ несчастью;
Больной старикъ не понималъ
Мою любовь, мои страданья,
Хотя охотно исполнялъ
Мои малѣйшія желанья...
И вотъ вдовой осталась я:
За мной поклонники слѣдили,
Но всѣ они несносны были,
Никто не понималъ меня.
Одни умѣли лишь молчать,
Другіе ловко танцовали,
Тѣ вздоры мастерски болтали,
А тѣ умѣли щеголять...
Тоска мою терзала грудь;
Я принялась за развлеченья,
Стрѣляла, ѣздила верхомъ—но утѣшенья
Не въ состояніи ничто въ меня вдохнуть,
Отъ грусти тягостной избавить.

(Входятъ Калитинъ и Клиновскій).

III.

КРИНЕЦКАЯ, КЛИНОВСКІЙ, КАЛИТИНЪ.

Клиновскій.

Мое почтеніе!... Представить
Позвольте!.. лучшій другъ!.. васъ рѣдко видѣлъ онъ,
Но вами такъ обвороженъ...

Кринецкая.

Весьма пріятно мнѣ...

Клиновскій.

Лукавить
Я не могу и звонкихъ фразъ
Слагать по модѣ не умѣю...
И потому увѣрить смѣю,
Что въ восхищеньи онъ...

Калитинъ.

Не-разъ
Я вашею ѣздою любовался,
Желалъ вамъ счастія и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся...
Однажды вы въ моихъ глазахъ
Чрезъ ровъ большой скакнули смѣло:
Ну долго-ль до бѣды?..

Кринецкая.

Напрасный страхъ!
Я съ лошади еще ни-разу не слетѣла,
И думаю, что никогда
Несчастія такого не случится.

Калитинъ.

Дай Господи! но ежели...

Кринецкая.

Тогда
Мнѣ надо будетъ покориться
Судьбѣ своей, съ терпѣніемъ внимать
Ребяческимъ нравоученьямъ,
Когда сберутся утѣшать
Меня подруги ложнымъ сожалѣньемъ.

Калитинъ.

Какъ ложнымъ?

Кринецкая.

Какъ-же называть
То лицемѣрное участье,
Съ которымъ въ случаѣ несчастья,
Являются онѣ? Какого ждать
Отъ нихъ мнѣ можно состраданья,
Когда ихъ первое желанье
Меня предъ всѣми очернять!
И такъ уже онѣ кричали,
Что львица и кокетка я
И чтобъ мужчины отъ меня,
Какъ отъ холеры, убѣгали!
Ихъ разсужденья обо мнѣ
Быть-можетъ вы не-разъ слыхали,
И соглашаяся вполнѣ,
Меня во многомъ обвиняли!..

Калитинъ.

О нѣтъ, за что-жъ васъ обвинять?
Кокетство въ женщинѣ врожденно,
А амазонство современно —
Отъ вѣка можно-ль отставать?

Кринецкая.

Признаться, я не ожидала,
Чтобъ недовольны были вы;
Вотъ вы, мужчины, каковы:
Всѣмъ недовольны, все вамъ мало!
А если-бъ знали вы, какъ я
Изъ пистолета въ цѣль стрѣляю,
Иль на конькахъ катаюся, я знаю
Вы ужаснулись-бы меня!

Калитинъ.

Напротивъ, долженъ я признаться,
Что сожалѣю объ одномъ:
Что не могу быть ѣздокомъ,
Чтобъ съ вами смѣло состязаться;
Что не могу, какъ вы стрѣлять,
Коньковъ боюся больше смерти;

Хотя и грустно мнѣ, повѣрьте,
Но долженъ я отъ васъ отстать.

Кривецкая.

Вамъ, безъ сомнѣнья, пустяками,
Какъ мнѣ, заняться время нѣтъ,
Вы опытны, узнали свѣтъ,
И занялися лишь дѣлами;
Но я еще такъ молода,
Такъ легкомысленна, безпечна...
И мнѣ простительно конечно
Заняться вздоромъ иногда.
Но несмотря на развлеченья,
Наединѣ, въ досужный часъ,
Я принимаюсь за сравненье
Мужчинъ и бѣдныхъ женщинъ насъ!
Что видите вы въ насъ, скажите?
Вертушекъ съ ногъ до головы!
Въ порокахъ разныхъ насъ вините,
Хотя причиною ихъ—вы!
Кто изъ мужчинъ къ намъ приближался
Съ надеждой сердце облегчить?
Кто нами чисто восхищался,
Кто чисто насъ умѣлъ любить?
Никто! Вы насъ всего лишили,
Считать привыкли за дѣтей,
И хладнокровно осудили
Жить въ сферѣ мелочныхъ идей.
Какъ будто чувствъ мы не имѣемъ,
Какъ будто нѣтъ ума у насъ,
Какъ будто мы не стоимъ васъ,
И понимать васъ не умѣемъ!
А между-тѣмъ, наружно намъ,
Вы воздаете поклоненье!..
Но если мы повѣримъ вамъ,
Насъ ждетъ порокъ и поношенье.
Да! вы стараетесь отнять
У насъ, что намъ всего дороже...

И послѣ, милосердый Боже!
Вы смѣете насъ презирать?!..
И послѣ лаврами вѣнчаетъ
Васъ за успѣхъ бездушный свѣтъ,
А насъ презрѣнье ожидаетъ,
Для насъ и жалости въ немъ нѣтъ!..

Калитинъ.

Чтобы отъ вашего упрека
Насъ хоть немного оправдать,
Простите, долженъ издалека
Я оправданіе начать.
Скажите, что приготовляетъ
Мать въ дочери? Какія въ ней,
Гордясь любовію своей,
Она идеи развиваетъ?
Она старается убить
У ней возвышенныя чувства,
Она хлопочетъ въ ней развить
Необходимое искусство—
Богатыхъ жениховъ ловить!..
И дочь, понявши наставленья,
Для нихъ готова расточать
Свои улыбки, взоры, пѣнье,—
Готова цѣлый день бренчать
Для полноты обвороженья!
Вотъ воспитаніе въ домахъ:
Образованья блескъ снаружи
И пустота межъ-тѣмъ въ сердцахъ!
А въ пансіонахъ часто хуже:
Дѣвицъ тамъ учатъ танцовать,
Болтать немного по-французски,
Неправильно писать по-русски,
Кой-что изъ бисера вязать!..
Къ чему такое воспитанье
Несчастныхъ дѣвушекъ ведетъ?
И что ихъ послѣ въ свѣтѣ ждетъ?
Иль проза жизни, иль страданье.

Однѣ, поладивши съ судьбой,
Въ пустѣйшихъ женщинъ превратятся,
Довольныхъ свѣтомъ и собой;
Другія будутъ вѣкъ терзаться!
Скажите-же, за что винить
Насъ въ этомъ вредномъ направленьи?
Нѣтъ, если вы должны насъ осудить,
То развѣ въ слабости: вотъ наше преступленье!
За то, что мы покорны вамъ;
За то, что мы вамъ угождаемъ;
Что важность придаемъ различнымъ пустякамъ,
И пустословьемъ щеголяемъ;
За то, что, къ вамъ принаровясь,
Летимъ за вами безъ сознанья;
За то, что, въ васъ безъ памяти влюбясь,
Не слушаемъ разсудка увѣщанья.—
За это все вы въ-правѣ насъ
Безжалостно подвергнуть посмѣянью!
Но смѣю я увѣрить васъ
Мы поровну достойны порицанья!
Не спорю, что виновны мы,
Но тѣмъ не меньше вы неправы:
Для насъ вы пишете уставы,
А мы ихъ исполнять должны!..

Кринецкая.

Мнѣ кажется, что вы судили,
Съ излишней строгостью о насъ;
Но впрочемъ не виню я васъ,
Мы вѣрно вамъ порядкомъ насолили!..
Жалѣю очень я о томъ;
Но позабыть вы насъ съумѣли;
Оставя насъ, пошли другимъ путемъ,
Къ другой, достойнѣйшей васъ цѣли;
Быть можетъ службѣ предались,
Иль, удалившися отъ свѣта
Въ уединенье кабинета,
Литературой занялись...

И если такъ—произведенья
Прочесть я ваши попрошу...

Калитинъ.

Я не служу и не пишу!

Кринецкая.

Я внѣ-себя отъ удивленья!
Возможно-ль, вы хотите скрыть
Отъ свѣта ваши дарованья?..

Калитинъ.

Что-жъ дѣлать, если нѣтъ призванья,
Я не могу полезнымъ быть!
Къ тому-жъ, сказать позвольте кстати,
О чемъ прикажете писать?
Привыкли люди правду гнать,
Кому-жъ она понравится въ печати?
А нравы... но о нихъ позвольте умолчать,
И такъ я слишкомъ заболтался.—
А между-тѣмъ ужъ скоро третій часъ.—
Я быть у дяди обѣщался...

Кринецкая.

Надѣюсь, не въ послѣдній разъ
Вы у меня, хоть въ наказанье
За ваши колкости...

Калитинъ.

О, я готовъ у васъ
Всегда наказанъ быть... Прощайте.

Кринецкая.

До свиданья!...

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Черезъ десять мѣсяцевъ.

I.

Кринецкая (*одна, въ неглиже*).

Ахъ, Боже мой, какъ я устала!
Ужъ эти мнѣ балы! Танцуешь до утра!

Сегодня я насилу встала
(*Смотритъ на часы*).
Ужъ скоро два часа!.. Однако-же пора
Одѣться мнѣ... Напрасно не велѣла
Я никого не принимать...
Вчера я слышала—Калитинъ здѣсь опять;
Я видѣть-бы его хотѣла!
Мнѣ нравится онъ очень по уму,
По рѣзкому, правдивому сужденью,
И я невольно чувствую къ нему
Какое-то расположенье...
И даже... даже, можетъ быть,
Что я могла его-бы полюбить.
Съ тѣхъ-поръ какъ я его узнала,
Не знаю почему совсѣмъ другая стала;
Заставилъ онъ меня отчетъ себѣ отдать
Въ своихъ поступкахъ... Вотъ и онъ...
(*Входитъ Калитинъ*).
Скажите,
Что васъ давно такъ не видать?
Съ полгода, кажется...

Калитинъ.

Деревню въ томъ вините,
Что я не могъ у васъ бывать.

Кринецкая.

Ну какъ-же вы тамъ поживали?
Я думаю, что не скучали?

Калитинъ.

Напротивъ! я туда бѣжалъ
Столичную разсѣять скуку,
Но отъ нея не убѣжалъ
И въ большую попался муку!
Я полагалъ, зеленый лугъ,
Картины смирныя природы—
Мой усмирятъ мятежный духъ,
И возвратятъ былые годы!
Но что-жъ? Журчаніе ручья,

Игра пастушеской свирѣли,
Шумъ листьевъ, пѣнье соловья —
Мнѣ черезъ мѣсяцъ надоѣли.

Кринецкая.

Немудрено; теперь пора
Прошла природы созерцанья;
Нашъ вѣкъ идетъ путемъ добра,
Дѣятельности и познанья...
А вы хотѣли схоронить
Себя въ нѣмомъ уединеньи,
И всѣ досуги посвятить
Пустыхъ идиллій наслажденью!..
Но если-бъ только вы могли
Къ помѣщикамъ приноровиться,
То вѣрно-бы тамъ рай нашли
И не подумали въ столицу возвратиться..
Но вѣроятно вы себя
Отъ нихъ подалѣе держали
И ихъ забавъ не раздѣляли...

Калитинъ.

Талантовъ не имѣю я,
Чтобъ въ нихъ осмѣлиться вмѣшаться;
Какъ быть! я не могу таскаться
Съ ружьемъ въ болотахъ и лѣсахъ,
Или за зайцами гоняться
И хлѣбъ вытаптывать въ поляхъ!
Играть я въ карты не умѣю,
Въ настойкахъ истинный профанъ,
Породъ собакъ не разумѣю,
А тяжбы для меня — туманъ.
Чужимъ межъ ними я скитался,
И скоро сталъ ихъ убѣгать,
И какъ отъ скуки ни скрывался,
А долженъ былъ ее узнать...
И я не вытерпѣлъ—спасенья
Искалъ отъ этой язвы злой.

Кринецкая.

Жениться стоило: въ супругѣ молодой
Нашли-бы горестей забвенье,
Въ деревнѣ мирно стали-бъ жить.

Калитинъ.

Вы деревенскою женою
Меня хотите надѣлить?
Нѣтъ, лучше заживо зарыть
Себя, чѣмъ жертвовать собою,
Чѣмъ вѣкъ безвыходно страдать,
И не дѣлясь ни съ кѣмъ душою,
Средь огородовъ прозябать!

Кринецкая.

Зачѣмъ-же? Вы могли-бъ сыскать
Въ деревнѣ новую Коринну,
А ужъ такая половина
Навѣрное могла–бъ васъ понимать,
И объ хозяйствѣ ни полслова
Вы не услышали–бъ отъ ней!
Она была–бъ полна возвышенныхъ идей
И ихъ въ стихи перелагать готова!..

Калитинъ.

Богъ съ нею! Пусть въ своей тиши
Такая роза процвѣтаетъ,
И скорбь непонятой души
Передъ учителемъ уѣзднымъ изливаетъ,
А я подалѣе...

Кринецкая.

Вамъ трудно угодить!
Кого–жъ вамъ надобно, не знаю;
Богиню, можетъ–быть?...

Калитинъ.

Я о богинѣ не мечтаю,
Но женщину найти желаю,
Которая-бы поняла
Свое высокое значенье,
И исключеніемъ была

Изъ нынѣшняго поколѣнья!
Чтобы, поэзіей дыша,
Она отрады въ ней искала,
Чтобъ чистая ея душа
Пустыя сплетни презирала!
Чтобъ въ ней несчастный находилъ
Своимъ страданьямъ облегченье,
Чтобъ правду духъ ея любилъ,
И не слабѣлъ отъ оскорбленья!...
Чтобъ мужъ, измученный борьбой
Съ житейской прозою суровой,
Могъ отдохнуть въ семьѣ родной,
И укрѣпиться къ битвѣ новой...
Чтобы дѣтямъ передала
Она свой пламень благородный,
И чтобъ звѣздою путеводной
Для нихъ жизнь цѣлую была!
Вотъ женщина! А то, скажите,
На что похожъ нашъ модный кругъ?
На современныхъ львицъ взгляните:
Имъ о семьѣ подумать недосугъ;
У нихъ важнѣе есть занятья,
У нихъ все время нарасхватъ:
Балы, театры, маскарадъ;
То надобно примѣрять платье,
То головной купить уборъ,
То ожерелье дорогое;
А между-тѣмъ за этотъ вздоръ
Мужъ платитъ тяжкою цѣною;
Онъ долженъ совѣсть продавать,
И жить аферой и обманомъ,
Или имѣнье раззорять,
Чтобъ не прослыть жены тираномъ.
А жены?... Что за дѣло имъ,
Что бѣдные мужья страдаютъ?
Сквозь комплиментовъ сладкій дымъ
Онѣ того не примѣчаютъ!

Чтобы отъ высшихъ не отстать,
Казаться выше состоянья,
Онѣ готовы всѣхъ терзать,
Забывъ святое состраданье.
Способны моську пожалѣть,
Надъ птичкою рѣкою слезъ разлиться,
А человѣкъ?... Онъ можетъ умереть,
И даже вздоха не добиться!...

Кринецкая.

Гораздо легче осуждать
Несчастныхъ женщинъ поведенье,
Чѣмъ безпристрастно разобрать
И ихъ и ваше положенье...
Увы, едва мы вступимъ въ свѣтъ,
Едва окончимъ воспитанье —
Какъ намъ готовъ его привѣтъ,
Готово лестное вниманье!
Но то не свѣтъ, а гнусный торгъ,
Гдѣ все поддѣльно и невѣрно:
Разсчетливъ пламенный восторгъ,
Любовь и дружба лицемѣрна!
Гдѣ намъ погибелью грозитъ
Мужчинъ коварное исканье,
Гдѣ насъ никто не вразумитъ,
Что цѣль ихъ—наше состоянье
Или родство;—весь ихъ разсчетъ,
Чтобы со знатью породниться,
Чтобъ мѣстъ или чиновъ добиться,
Или чтобъ жить на женнинъ счетъ?...
Никто не думаетъ нисколько
Подругу жизни въ ней искать,
Тотъ въ ней сидѣлку видитъ только,
А этотъ... лучше умолчать!...
Настало жертвоприношенье,
Она родными предана,
Она раба, а не жена,
И бракъ тотъ—вѣры оскорбленье!...

Слезой блеститъ напрасно взоръ,
Напрасно жертва умоляетъ!
Увы, никто на этотъ вздоръ
Вниманія не обращаетъ!
Зачѣмъ? Она еще не знаетъ,
Что счастье въ деньгахъ и гербахъ,
Въ нарядахъ, ложахъ и каретахъ,
Иль въ генеральскихъ эполетахъ,
А не въ пустыхъ любви мечтахъ!...
День каждый, каждое мгновенье
Родные это ей твердятъ,
И умоляютъ, и грозятъ,
И вотъ бѣдняжка, для спасенья
Себя отъ этой пытки злой,
Готова жертвовать собой!...
А послѣ дорогой цѣной
Должна за слабость заплатить,
И слезъ горючею рѣкою
Свою ошибку искупить!...
Въ клочки ей сердце разорвали,
И вмѣсто пламенной любви,
Самодовольно впереди
Рядъ наслажденій указали...
И такъ за что-жъ ее винить
За франтовство и развлеченье,
Когда ей некого любить,
Когда сердечныя мученья
Она въ нихъ хочетъ заглушить?
И такъ уже судьбой жестокой
Осуждена она страдать,
И даже скорбь свою глубоко
Должна отъ всѣхъ въ душѣ скрывать!
Жестокій свѣтъ! Онъ не прощаетъ,
Когда въ немъ явится она
Съ лицемъ унылымъ и блѣдна,
И тотчасъ сплетню сочиняетъ!
И вотъ, съ убитою душой,

Но съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Она блистаетъ въ разговорѣ
Непринужденной остротой:
Ее кокеткой вы браните,
Наружность вводитъ васъ въ обманъ,
Но глубже въ сердце загляните—
Вы ужаснетесь этихъ ранъ!
Нѣтъ, не бранить, а удивляться
Должны несчастной, какъ она
Еще умѣетъ улыбаться,
Тоской своей удручена!...
Какъ состраданье не забыла
Она въ несчастіяхъ своихъ,
И поняла, и раздѣлила
Печаль тяжелую другихъ!..:
И даже тутъ не избѣгаетъ
Она бѣды: мужчины ей
Коварно сѣти разставляютъ
Изъ мнимой горести своей,
Воображаемымъ страданьемъ
Желаютъ жалость возбудить,
И въ благодарность заплатить
Позоромъ ей за состраданье!..

Калятинъ.

Ужели мы?...

Кринецкая.

Къ несчастью, васъ
Я слишкомъ хорошо узнала,
Хотя и поздно разгадала.
И если я ошиблась разъ,
Зато другой не ошибуся.
Я только одному дивлюся,
Какъ, испытавши столько бѣдъ,
Находятся такія вдовы,
Которыя супружества обѣтъ
Произнести опять готовы!

Калитинъ.

А отчего-же бы и нѣтъ?
Вы слишкомъ къ намъ несправедливы:
Не безъ пороковъ мы, согласенъ я,
Однакожъ есть таки мужья, -
Которыхъ жены пресчастливы!

Кринецкая.

Одна изъ тысячи, и то Богъ знаетъ какъ!
Попасть такъ трудно въ исключенье—
И прежде чѣмъ отважиться на бракъ
Обдумать должно предложенье
Внимательно, со всѣхъ сторонъ,
Узнать наклонности всѣ мужа...
А это трудно такъ...

Калитинъ.

Но почему-жъ?

Кринецкая.

Свѣтъ нынѣ сдѣлался смышленъ:
Въ притворствѣ люди такъ успѣли,
Что всякій, чтобъ достигнуть цѣли—
Рѣшительно хамелеонъ!
Готовъ на-дню сто разъ мѣняться,
Лишь выгода была-бы въ томъ,
Прошу-же истины дознаться
При направленіи такомъ!
Скажите, какъ-же тутъ повѣрить
Любви обманчивымъ словамъ?

Калитинъ.

Не вѣрьте! вѣрьте хоть дѣламъ:
Любовь дѣлами должно мѣрять!

Кринецкая.

О да, дѣлами; напримѣръ:
Кто въ маскарадахъ и собраньяхъ,
На пикникахъ и на гуляньяхъ
Нашъ постоянный кавалеръ;
Кто передъ нами щеголяетъ
Обрывками газетныхъ фразъ,

И скуку съ нами убиваетъ,
Такъ тотъ и точно любитъ насъ?
Такъ вотъ дѣла? Не правда-ль, ими
Любовь возможно доказать
И мы, съ сомнѣньями своими,
Передъ дѣяньями такими
Должны невольно замолчать?..

Калитинъ.

Конечно, это все бездѣлки,
А вы хотѣли-бъ воскресить
Вѣкъ рыцарей и всѣ продѣлки
Романовъ ихъ возобновить?
Ужель они...

Кринецкая.

О да, признаться,
Хотѣла-бъ видѣть, кто изъ васъ,
Чтобъ доказать, что любитъ насъ
Со львомъ осмѣлится сражаться?..

Калитинъ.

Да мы щадимъ чужую кровь,
Да и свою притомъ жалѣемъ,
И чтобы доказать любовь
Другіе способы имѣемъ!

Кринецкая.

Какіе-же?

Калитинъ.

Когда-бъ кто могъ
Вамъ сердца вашего исчислить всѣ біенья,
Сказать всѣ ваши помышленья,
Когда-бы въ немъ вашъ взглядъ зажегъ
Святой огонь любви; когда-бъ у вашихъ ногъ
Онъ все сложилъ, и обратясь съ мольбою
Къ вамъ пламенной, какъ къ божеству, сказалъ,
Что васъ подъ маской ледяною
Давно-давно онъ разгадалъ,
Что неужель судьба судила,
Чтобъ столько нѣжности святой

Душа ни съ кѣмъ не раздѣлила?
Ужель вамъ вѣчно жить одной,
Ужель не вѣдать наслажденья
Младенца милаго ласкать,
Ужель другому утѣшенья
Вамъ суждено не передать...
Когда-бъ кто съ этими рѣчами
Прибѣгнулъ къ вамъ, и упоенъ
Своею страстію, очами
Любви па васъ смотрѣлъ-бы онъ,
Ужель съ обиднымъ подозрѣньемъ
Вы посмотрѣли–бъ на него?

Кринецкая.

О нѣтъ! Но гдѣ-жъ найти того,
Кто-бъ полонъ былъ такимъ стремленьемъ?
Кто-бъ могъ такъ пламенно любить?
Такого нѣтъ сознайтесь сами!..

Калитинъ.

Онъ есть, онъ есть, онъ передъ вами!
Хотѣлъ напрасно затаить
Я страсть свою, напрасно скрылся
Отъ васъ, она сильнѣй росла —
И передъ вами я явился...

Кринецкая.

Во взглядахъ вашихъ я прочла
Давно любовь; я разгадала,
Я оцѣнила васъ давно
И ежели отъ васъ скрывала
Любовь свою—немудрено:
Я женщина...

Калитинъ.

О, для чего
Я ранѣе не догадался,
Зачѣмъ въ любви своей скрывался
И убѣгалъ отъ счастья своего?

Кринецкая.

Не жалуйтесь: безъ испытанья

Мы не узнали-бы другъ друга никогда!
И вотъ за краткія страданья
Мы будемъ счастливы всегда...
Теперь позвольте васъ оставить,
Я только къ маменькѣ схожу,
И позволенья попрошу,
Какъ жениха, васъ ей представить;
И тотчасъ ворочусь...

Калитинъ.

Безъ васъ
Я буду здѣсь скучать...

Кринецкая.

Я знаю
Про то по опыту, и возвращусь сейчасъ.

Калитинъ.

О, поспѣшите-же, я ожидаю!

(Кринецкая уходитъ).

II.

КАЛИТИНЪ одинъ.

Я счастія достигъ, а все душа моя
Полна прошедшаго страданья,
И лучшія минуты бытія
Отравлены воспоминаньемъ!
Увы, въ тотъ мигъ, какъ будущность такъ льститъ,
Мнѣ не даетъ мечта покоя,
И вмѣсто счастія чертитъ
Былое горе предо мною!
Къ тому-жъ Клиновскаго мнѣ жаль!
Снесетъ онъ это испытанье,
Или убьетъ его печаль
И онъ падетъ подъ бременемъ страданья,
И охладѣвъ пылающей душой,
Надъ чувствомъ станетъ насмѣхаться
И самъ, бывъ жертвой роковой,
Начнетъ сердцами забавляться,
Начнетъ забвенія искать
Пустыхъ страстей въ безумномъ хорѣ,

И голосъ совѣсти суровой заглушать
Въ винѣ и буйномъ разговорѣ!
Включитъ себя въ обширный кругъ
Гулякъ и пьяницъ благородныхъ.
Они въ порокахъ намъ несродныхъ
Могучій Руси видятъ духъ,
Они въ какомъ-то заблужденьи
Буянство, пьянство и развратъ
Считаютъ подвигомъ, достойнымъ одобренья,
И вовсе вѣдать не хотятъ,
Что ихъ презрѣніемъ клеймятъ,
Что это все несовременно,
И малодушно, и смѣшно,
Ужель, несчастный, непремѣнно
Тебѣ средь ихъ погибнуть суждено?
Ужель любви святое чувство
Ты до цинизма доведешь,
И обольщенія искусство
Душею чистою поймешь?
Ужели этою цѣною
Себѣ я счастіе куплю?
О Боже, сжалься надо мною
И пощади его, молю!..

(*входитъ Клиновскій*).

III.

КАЛИТИНЪ, КЛИНОВСКІЙ.

Клиновскій.

Bon jour, mon cher! Ну, слава Богу,
Насилу я тебя поймалъ!
Какъ поживаешь?

Калитинъ.

Понемногу.

Клиновскій.

Сейчасъ я мимо проѣзжалъ,
И у параднаго подъѣзда
Твою карету увидалъ.

Коварный человѣкъ! Съ пріѣзда
Ты у меня не побывалъ.

Калитинъ.

Все некогда; но я сбирался
Тебя сегодня навѣстить,
И кой о чемъ поговорить,
И кстати ты теперь попался...

Клиновскій.

О чемъ? Я слушаю тебя,

Калитинъ.

Увы, какъ часто мы себя
Надеждой ложной обольщаемъ,
Иль твердостью, которой нѣтъ у насъ,
Самодовольно щеголяемъ!
А между-тѣмъ, приходитъ часъ,
И мы предъ сердцемъ уступаемъ;
Посмотришь, клялся тотъ любить
Одну и образъ несравненный.
Всегда въ груди своей носить!
Онъ вѣренъ былъ въ тотъ мигъ священный,
Но могъ-ли онъ вообразить,
Что онъ измѣнитъ ей, что ложно
Онъ страсть свою истолковалъ,
Что счастіе съ другой ему возможно,
Что за любовь—любви потребность онъ принялъ!
Другой, обманутый стократно,
Клялся всѣхъ женщинъ презирать
И думалъ, что любовь исчезла безвозвратно,
Но долженъ былъ вину свою сознать!..
Узналъ тогда, что счастливымъ быть можетъ,
И горе позабывъ прошедшихъ дней...

Клиновскій.

Къ чему ты рѣчь ведешь? Она меня тревожитъ,
Мнѣ подозрѣнье сердце гложетъ!
Ужели ты помолвленъ съ ней?

Калитинъ.

Ты правъ, но для чего сердиться?

Тебѣ другая часть дана:
Нельзя–жъ тебѣ на ней жениться,
Когда она не влюблена...

Клиновскій.

Благодарю за наставленья.
Къ–несчастію, я поздно васъ узналъ...

Калитинъ.

Вы помните: я васъ предупреждалъ
И я невиноватъ, что опасенья
Мои исполнились...

(Кринецкая входитъ и прячется за портьеру.)

Клиновскій.

Вотъ чести идеалъ!
Вотъ человѣкъ, который вѣчно
Кричалъ, что не обманетъ никого,
И обманулъ безчеловѣчно
Кого-же?.. Друга своего!

Калитинъ.

Вы забываетесь...

Клиновскій.

И вы воображали,
Что это даромъ вамъ пройдетъ?
Нѣтъ, я отъ васъ потребую отчетъ,
Вы, вы...

Калитинъ.

Послушайте, нельзя-ли
Вамъ поумѣреннѣе быть
Немного въ вашихъ выраженьяхъ?
Хотите удовлетворенья?
Извольте, я готовъ служить!
Хоть признаюсь не вижу цѣли
И смысла здраваго въ дуэли.
Повѣрьте, кровью доказать
Нельзя любви своей нисколько;
Заставите ее вы слезы проливать
По комъ–нибудь изъ насъ—и только!

И такъ послушайтесь меня,
Свою досаду укротите,
Но ежели вы не хотите,
Готовъ къ услугамъ вашимъ я.

Клиновскій.

Но...

Кринецкая (*выходя*).

Мсьё Клиновскій, замолчите!
Во всемъ виновна я одна;
Неужели стрѣляться я должна?..
О, я увѣрена, меня вы пощадите!
Послушайте, теперь не тѣ ужъ времена;
Любовь не возбуждаютъ силой;
И ежелибы за отказъ
Дрались всѣ, то что-бы было?
Чтожъ дѣлать, если вмѣсто васъ
Я мужемъ выбрала другаго?
Вѣдь я вамъ не давала слова,
И въ выборѣ вольна была.
Я вѣрю, вы меня любили,
Но я любви къ вамъ не нашла.
Ну что-бъ мы за супруги были:
Я старше васъ, и вы меня,
Какъ водится обыкновенно,
Забыли-бъ скоро совершенно.
Нѣтъ, вы не поняли себя,
Въ васъ сердце юное пылало,
Искало съ жадностью, кого-бы полюбить,
И первую меня, къ несчастью, повстрѣчало...
Вы мнѣ его рѣшились посвятить,
Вы думали, что я взаимность къ вамъ питала,—
Но ахъ, ошибка то была:
Я съ вами пошутить желала,
Не думая, чтобъ васъ такъ увлекла!..
Я каюся! Но... мнѣ такъ скучно было,
Я развлекалась, какъ могла,

Мнѣ жаль, что я такъ пошутила...
Но вы не сердитесь?..

Клиновскій.

Нѣтъ, я не помню зла,
Я не могу на васъ сердиться!
Велите вы—я долженъ все забыть,
Предъ нимъ обязанъ извиниться,
Предъ вами страсть свою навѣки затаить.

Кринецкая.

Къ чему отчаянье?.. Повѣрьте, вскорѣ
Своей любви найдете вы отвѣтъ,
Съ другой забудете теперешнее горе,
И будете счастливы...

Клиновскій.

Нѣтъ,
Изъ памяти не истребится
Урокъ жестокій вашъ; нескоро я
Осмѣлюся опять влюбиться!..

Калитинъ.

Зачѣмъ тревожить такъ себя?
Не думай о своей печали:
Страданье смертныхъ всѣхъ удѣлъ;
И только тѣ лишь не страдали,
Кто чувствъ высокихъ не имѣлъ.

Клиновскій.

Прощай, мой другъ! *(Кринецкой)*. Мое почтенье!
Желаю счастья вамъ!

Кринецкая.

Желаю вамъ забвенья!

С 239 89

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

HECKMAN
BINDERY INC.
AUG 89
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

LIBRARY OF CONGRESS
00025282334